

Miikul P a h o m o v, Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Väitöskirja (monografia), Helsinki: Helsingin yliopisto & Lyydiläinen Seura, 2017. 311 c.

11 февраля 2017 года на гуманитарном факультете Хельсинкского университета Мийкул Пахомов защитил докторскую диссертацию на тему «Люди́ковский вопрос: народ или племя, язык или диалект?». Работа была подготовлена в Хельсинкском университете на отделении финского языка, финно-угорских и скандинавских языков и литератур под научным руководством профессора прибалтийско-финских языков Рихо Грюнталя. Рецензирование диссертации провели профессор карельского языка и культуры Веса Койвисто из университета Восточной Финляндии и доктор филологии Яан Ёйспуу из Таллинна.

Мийкул Пахомов родился в семье михайловских люди́ков 14 февраля 1967 года в городе Петрозаводске. Его мама, Майя Пахомова, известна как основоположник исследования национальной литературы Карелии. В 1989 году он закончил Петрозаводский государственный университет по специальности финский язык и литература и уже с 1987 года работал в секторе языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра АН СССР. В начале 1990-х годов М. Пахомов поступил в аспирантуру Хельсинкского университета, где в 2000 году защитил диссертацию на соискание степени лицензиата филологии. В университете г. Хельсинки он трудился в качестве исследователя и преподавателя прибалтийско-финских языков. М. Пахомов — известный люди́ковский писатель. Вместе с учительницей школы села Михайловское Лидией Поташовой (1945—2007 гг.) он создал люди́ковскую письменность на основе южнолюди́ковского, или михайловского, диалекта. В своих стихотворных произведениях, статьях и переводах М. Пахомов разработал также нормы люди́ковского литературного языка, основанные на унификации трех основных

его диалектов: северно-, средне- и южнолюди́ковского.

Люди́ковский вопрос давно был предметом споров в научной среде, где высказывались различные мнения по поводу идентификации люди́ков и их языка. Являются ли люди́ки самостоятельным этносом или чьим-то субэтносом (племенем), а их говоры — наречием карельского или вепского языка или же самостоятельным прибалтийско-финским языком? — по этим вопросам до сих пор нет единого мнения. Цель исследования М. Пахомова — определение формы языка, употребляемой люди́ками, с точки зрения ее развития и классификации прибалтийско-финских языков.

Автор подробно рассматривает историю люди́ковского языка и его носителей. Важно отметить, что монографических исследований по этой тематике ранее не было. В своей монографии М. Пахомов применил сравнительно-исторический метод в сочетании со средствами социолингвистики. Количество источников по люди́ковским говорам и родственным им языкам, используемых в работе, впечатляет. Они охватывают период с XVI века до наших дней. Список источников, прилагаемый к диссертации М. Пахомова, можно считать люди́ковской библиографией. Несомненно, успеху исследования способствовало и то, что автор сам является носителем люди́ковского языка.

Во введение (глава 1) наряду с описанием целей, методики, исходного материала и транскрипции дается обзор современного состояния люди́ковских говоров и их носителей. Говорящих на люди́ковском немного: владеющих наиболее сохранившимся южнолюди́ковским (михайловским) диалектом сейчас немногим более 100 человек, общее же количество носителей люди́ковских говоров не превышает 300 человек. По-люди́ковски говорят в Кондопожском,

Пряжинском и Олонецком районах Республики Карелия. Количество людиков быстро сокращается, одной из причин чего является отсутствие преподавания людиковского языка в школах республики. В отличие от проживающих в Карелии финнов, вепсов, ливвиков и собственно карел носители людиковского языка никогда не имели официальной поддержки (с. 41). Развитие людиковской письменности осуществлялось силами активистов.

Вторая глава «Людиковский ареал, население и язык» (с. 47—87) содержит обзор территориального распространения людиковских говоров, древнефинского языка-основы в соотношении к саамской топонимии, а также двух историко-культурных регионов — свирского и онежского. В этой же главе рассматривается региональная самоидентификация людиков, где важная роль принадлежит отражающим ее этнонимам. Уже в XIX веке языковеды (А. Шёгрэн, Э. Лённрот, А. Алквист, А. Генец) связывали самоназвание людиков (*liiüidi*) с самоназванием ливвиков (*livvi*), производя их от рус. *людь* 'народ'. Согласно объяснению Хейкки Оянсуу, самоназвание *livvi* восходит к этнониму *liiüidi*. После Второй мировой войны эта точка зрения получила признание в работах Д. Бубриха, А. Турунена, П. Виртаранта и других исследователей. Этноним *liiüidi* распространяется также на северные говоры вепсского языка. В свою очередь, этноним *karjala* людикам был изначально неизвестен, и начал применяться в отношении людиков лишь примерно с 1941 года (с. 86). По мнению М. Пахомова, на позднее появление этого этнонима у людиков указывает также сохранение в нем *j*, что присуще целому ряду людиковских говоров: люд. *karjal*, но *kird'* 'книга', ср. фин. *kirja*.

Третья глава посвящена теме «Исследование людиковского языка» (с. 88—108). Старейшие людиковские тексты относятся к XVII веку — это 11 заговоров, которые Александр Баранцев опубликовал в 1987 году (СФУ XXIII, с. 285—294). Первую публикацию образ-

цов людиковской речи осуществил Даниэль Европеус в 1847 году. Честь первооткрывателя людиковского языка принадлежит Андерсу Шёгрэну, который встретил людиков во время своего путешествия по Олонецкой губернии в 1825 году. Из финских исследователей XIX века у людиков побывали также Э. Лённрот, Д. Европеус, А. Алквист, А. Генец. В XX веке изучением людиковского языка занимались как финляндские, так и советские лингвисты.

В четвертой главе дается анализ различных типов языковой и этнической идентификации людиков, данных исследователями в период с 1780-х по 1960-е годы (с. 109—158). Эта глава начинается со знаменитого словаря П. Палласа, изданного в конце XVIII века. Из российских исследователей XIX — начала XX века автор подробно рассматривает работы П. фон Кёппена, Н. Лескова, М. Георгиевского и Ф. Фортунатова. Активная исследовательская деятельность Д. Бубриха в области финно-угорских языков относится к советскому периоду. Упомянут также Г. Керт, который начал заниматься исследованиями в послевоенные годы. Со ссылкой на мнение современных финляндских исследователей о влиянии традиций советского периода на взгляды эстонских ученых, приводятся примеры такого влияния (с. 128). В то же время автор отмечает, что в ряде работ Л. Мери, Т.-Р. Вийтсо, П. Кехайов и др. склонны идентифицировать людиковские говоры в качестве прибалтийско-финского языка.

Далее в четвертой главе рассматриваются языковая и этническая идентификация людиков финляндскими учеными (А. Шёгрэн, Э. Лённрот, Д. Европеус, А. Алквист, А. Генец, Ю. Куёла и др.), основные этапы деятельности которых освещены отдельно в предыдущей главе. Четвертую главу завершает обсуждение взглядов финляндских ученых и мнение П. Виртаранта по поводу идентификации людиковских говоров в качестве самостоятельного прибалтийско-финского языка.

Пятая глава «Сопоставление людиковских говоров» (с. 159–276) характеризует людиковские говоры на основе лексики, фонетики и морфологии. Отправной точкой лингвистического исследования является южнолюдиковский диалект, черты которого автор сопоставляет с данными других людиковских, а также вепских (северно-, средне- и южновепских), ливвиковских и собственно-карельских (северно- и южнокарельских) говоров. Это самая сложная и интересная часть исследования.

Кто же они, носители людиковских говоров, — народ или племя, говорят ли они на языке или на диалекте? — этому вопросу целиком посвящена шестая (заключительная) глава исследования. Сами себя они называют «народом» (*rahvaz, narod*), а свою речь «языком» (*l'üüid'ikiel' meiden kiel'*). В общении с ливвиками носители людиковских говоров уже в начале XX столетия использовали русский язык. Этот факт свидетельствует о том, что карельский язык и ливвиковские говоры являются для них чуждой языковой средой. Карелы и ливвики также издавна считали людиковский язык отдельным языком

(вепским), а носителей его — другим народом (вепсами). В науке необходимо пересмотреть устаревшие представления, сложившиеся еще в делопроизводстве XIX века и позже перенятые языковедами, согласно которым людиковский язык до сих пор рассматривается в качестве наречия карельского языка.

Признание людиковских говоров отдельным языком представляет собой реальную возможность для его возрождения и сохранения. Об этом свидетельствуют результаты представленного нами исследования и очередное обращение представителей людиковских организаций к состоявшемуся в 2016 году в городе Лахти (Финляндия) Конгрессу финно-угорских народов, в котором говорится о необходимости признания исчезающего языка людиков самостоятельным прибалтийско-финским языком.

ЯАН ЁЙСПУУ (Таллинн)

Address

Jaan Õispuu
E-mail: jaan.oispuu@mail.ee